
И. А. ХАЛИЙ

ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА: ЭВОЛЮЦИЯ НОВЕЙШИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

В статье анализируется эволюция теоретических концептов, касающихся взаимодействия общества и природы. Показано, что трансформация связана со сменой установок, в первую очередь – со сменой социального актора, ответственного за сохранение природы и оздоровление непосредственной среды обитания человека. Первоначально (1970-е гг.) предполагалось, что основным действующим лицом в этой сфере должно быть общество в целом и его составляющие: общественные движения и неправительственные организации, местные сообщества, структуры управления и политики. Позже (1990-е гг.) акцент сделан уже на деятельности структур управления. Наконец, в условиях современных процессов глобализации, когда локальности не представляются значимыми, включая и их экологическое состояние, основной экологической проблемой объявлено изменение климата, а в ее разрешении смогут активно участвовать лишь обладатели крупного капитала.

Ключевые слова: теоретические концепты, взаимодействие общества и природы, общественные движения, местные сообщества, экологическая политика, управление, изменение климата.

Осмысление взаимоотношений общества и природы активно происходит уже более 50 лет. В виде общемировых (общепризнанных) концептов оно впервые проявилось с опубликованием в 1972 г. первого доклада Римскому клубу «Пределы роста» (группа авторов под руководством Д. Медоуза), в 1992 г. вышла новая работа – «За пределами роста», а в 2004 г. – третья книга «Пределы роста. 30 лет спустя» (подробнее см.: Аксенова 2004). Первый доклад вызвал бурную и длительную дискуссию ученых, общественности и политиков. Это был первый призыв к осознанному ограничению потребления не только товаров, но и природных ресурсов, которые, как доказывалось, конечны. Как видим, это была апелляция непо-

средственно к человечеству в целом и к каждому гражданину мира в частности, в том числе и к лицам, принимающим решения.

Вероятно, сегодня нет нужды доказывать, что ограничения потребления не произошло. Задача данной статьи – проанализировать, каким образом это отразилось на развитии теоретизирования по поводу взаимодействия общества и природы в последние 20 лет, какие концепты последовательно сменяли друг друга и почему.

Процесс глобализации: взгляд сверху

Для социологической интерпретации развития теоретических концептов взаимодействия общества и природы необходимо обратиться к теоретическим основам анализа глобализационных процессов, активно разворачивавшихся в означенный период. С нашей точки зрения, при всем многообразии подходов наиболее адекватным, то есть подтвердившим свои основные положения в реальной социальной практике, оказался тот, который обозначают как «взгляд с высоты птичьего полета», представленный М. Кастельсом и Дж. Урри (Кастельс 2000; Castels 1996; Урри 2000).

Исследователи пытались выяснить, является ли глобализация простым изменением масштаба уже существующих процессов (например, капиталистической торговли, сущность которой не изменилась со времен Ганзейского союза), или мы имеем дело с качественно иным этапом их развития, с чем-то доселе неизвестным. Авторы интерпретируют его как процесс циркуляции людей, денег, ресурсов, идей, информации и пр. Это движение характеризуется возрастающей скоростью и предполагает растущую открытость национальных границ.

По мнению ученых, глобализация разрушила иерархию, существовавшую в колониальном и раннем постколониальном мире, в соответствии с которой рабочая сила и природные ресурсы двигались в центр, метрополии, а капитал – в обратном направлении. Движение потоков теперь осуществляется по сетям связей, где систематически не доминирует никакая сила. Исчезает неравенство, так как его не существует между ячейками и узлами сети. Все социальные различия сводятся к одному-единственному – «включенности/выключенности» индивида, социальной группы или сообщества относительно потока (или сети). Те, кто включен или, по край-

ней мере, близок к потоку или узлу сети, получают доступ ко всем благам, связанным с движением вещей и информации. Те, кто не включен, такого доступа не имеют (чем дальше от потока, тем беднее индивиды, сообщества и государства).

Глобализация предстает абсолютно новым явлением не только потому, что ликвидирует (или, скорее, упрощает) социальное неравенство, но и потому, что фактически «ликвидирует» человека (социальную группу) как главное действующее лицо в происходящих процессах – как социального актора. Потоки движутся не в чьих-либо интересах, не в результате чьих-либо действий, а сами по себе, даже если те, кто их когда-то запустил, руководствовались соответствующими интересами. Люди лишь обслуживают, регулируют (но не формируют, не направляют или изменяют) движение, заданное, по сути, автоматически, механизмом. Они более не актеры, они лишь агенты, выполняющие заданную потоком функцию. Существует глобальное управление, которое часто сравнивается с компьютерным; в его основе лежат коммуникация и контроль, обеспечение всей системы правилами и стандартами. Глобальное управление осуществляется автоматически и не связано с чьими-либо интересами (Rosenau 1997: 19–56).

Теории потоков рассматривают глобализацию с «высоты птичьего полета», и данная наблюдательная позиция обусловила оценку соотношения глобального и локального. Любая локальность, любое местное сообщество и окружающая его среда являются только узлом сети. По утверждению Кагельса, местный уровень потерял смысл. Экономические, социальные, экологические и прочие проблемы стали глобальными и не могут решаться местным сообществом или национальным государством.

Социально-экологическая интерпретация глобализации как потоков, основанная на концепции М. Кагельса и Дж. Урри, в трудах их последователей становится даже более механистичной, так как движение природных ресурсов, сырья, отходов рассматривается практически с инженерно-технической точки зрения. Государственные экологические организации, местные эконоНПО или глобальное гражданское общество должны обслуживать эти потоки таким образом, чтобы минимизировать наносимый ущерб (Mol, Spaargaren 2003).

Итак, для нас важно, что основной тренд в развитии общества таков: главное значение постепенно приобретают те процессы, которые происходят на глобальном уровне, локальности, в них не включенные, в расчет не принимаются; все происходящее регулируется «сверху» (при этом этот «верх» не обозначен и не выявляется, не определяется), вследствие чего деятельность акторов как субъектов социального действия перестает оказывать влияние на текущие события, в том числе и на вектор общественного развития. Рассмотрим, как эти тенденции отразились на развитии концептов взаимодействия общества и природы.

Устойчивое развитие: ограничительный подход

В 1983 г. создана Международная комиссия ООН по окружающей среде и развитию. Она занималась разработкой концепции устойчивого развития в широких общественных обсуждениях, отличающихся своей открытостью. В 1987 г. комиссия опубликовала доклад «Наше общее будущее», посвященный совместному поиску оптимального пути устойчивого развития. Устойчивое развитие в нем определено как развитие, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять собственные нужды.

Вектор был обозначен, оставалось только разработать стратегию его осуществления, что и произошло на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

На конференции принят ряд программных документов, которые должны были определить политику для обеспечения устойчивого развития и сохранения биосферы Земли. Среди них – два главных: Декларация по окружающей среде и развитию и долгосрочная программа дальнейших действий в глобальном масштабе «Повестка дня на XXI век».

В Декларации отмечается, что правительства должны утвердить национальные стратегии устойчивого развития, принимая во внимание решения, принятые на конференции. Цели таких стратегий – экономическое развитие и одновременно защита ресурсной базы и окружающей среды с учетом интересов будущих поколений. Стратегия устойчивого развития должна разрабатываться с широчайшим участием всех групп населения.

«Повестка дня на XXI век» является программой конкретных действий в сфере социально-экономического развития с целью рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды для обеспечения процветания человечества. По своей юридической силе «Повестка...» близка к многостороннему международному соглашению: государства приняли на себя обязательства руководствоваться данным программным документом в своей деятельности. В четырех разделах «Повестки...» содержатся подробные рекомендации, касающиеся планирования социального и экономического развития, сохранения и рационального использования ресурсов, укрепления роли основных групп населения, а также инструментов и методов реализации такой программы.

Но очевидно, что конкретные действия совершаются на локальном уровне. Именно от местных органов власти, различных организаций и учреждений, от самого населения и отдельных его представителей – интеллигенции, молодежи, активных тружеников, пенсионеров-общественников – будут зависеть достигнутые обществом результаты. Транслируемые сверху ориентиры – лишь одно из условий успеха. Это осознавали и участники конференции, в связи с чем в «Повестке...» целый раздел посвящен необходимости разработки программы действий на местном уровне («Местная повестка дня-21», далее – МПД). Более того, всем местным сообществам было предложено (при ответственности местных органов власти) уже к 1996 году иметь такие программы.

Таким образом, как видим, созданные на конференции документы полностью обращены к обществу: именно оно и его наиболее активные представители должны были быть вовлечены в исполнение представленной стратегии и программы действий.

Что произошло в реальности, рассмотрим на российском примере.

Реализуя свои международные обязательства, Россия подготовила и утвердила Указом Президента РФ от 01.04.96 № 440 «Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Документ был представлен на Первом всероссийском природоохранном форуме. Больше эта тема, насколько нам известно, ни

руководством страны, ни региональными властями, ни народом не обсуждалась.

Попытки предпринять конкретные действия на местном уровне (при разработке «Местной повестки дня») периодически наблюдались в различных российских регионах и городах: в Санкт-Петербурге, на Байкале, в Выборге, Томске и др. Анализ результатов привел к не слишком обнадеживающим выводам:

- инициатива выполнения подобных проектов принадлежала чаще всего местным властям и близким к ним неправительственным организациям, причем вовлечения широкого круга общественных организаций не обнаруживалось;

- в подобных проектах население к разработке стратегии напрямую не привлекалось, в основном происходило информирование местных жителей, практически без обратной связи;

- если инициатива осуществления проекта исходила от какой-либо неправительственной организации, не связанной тесно с местными властями, то последние не проявляли высокой активности;

- самое большое внимание при разработке стратегии уделялось изучению современного экологического состояния того населенного пункта, где осуществлялся проект. Много меньше исследовалась экономика, еще меньше внимания уделялось управлению и социальным аспектам;

- в заключительном документе оказывались разделы, содержащие конкретные материалы по определенным направлениям развития населенного пункта, без комплексного анализа;

- соответствующим образом составлялась и сама стратегия в целом: предлагались стратегии развития по конкретным аспектам, что при отсутствии общей концепции не определяло вектор развития местного сообщества;

- часто (особенно если финансирование проекта было значительным) все работы выполнялись приглашенными специалистами, причем в основном не местными жителями, что почти полностью исключало участие местного сообщества в процессе;

- в результате получалась многостраничная публикация, содержащая написанные научным языком тексты, что не давало воз-

можности ни населению, ни общественным организациям воспринимать стратегию как руководство к действию;

- в итоге не было обнаружено примеров реализации разработанных стратегий – работа заканчивалась созданием документа;

- выполнение проектов сопровождалось проведением семинаров для населения и научных конференций (семинары были призваны разъяснить людям, что такое «Местная повестка дня» и зачем она нужна, но поскольку чаще всего эти знания не использовались в социальной практике, то и оставались невостребованными или неиспользуемыми. Научные конференции, как им и полагается, проводились для ученых, обсуждавших научные проблемы, хотя и связанные с объектом проекта, но по своему существу очень далекие от сути местной стратегии развития);

- наконец, каждый проект выполнялся для конкретного (одного) населенного пункта, поэтому не было возможности сравнивать процесс с аналогичным, привлекая коллег из других мест, не производился обмен опытом, не анализировались успехи и неудачи.

Насколько нам известно, приблизительно так же происходили события и в наиболее развитых странах мира.

Таким образом, реализации ограничительного концепта «устойчивого развития», основным актором которого должны были стать сообщества, не произошло. Видимо, логика процесса вела к тому, что следовало искать иной путь осуществления концепта и иных исполнителей, в связи с чем и появилась теория экомодернизации.

Экомодернизация как стратегия управления

В начале 1990-х гг. экологическая модернизация превратилась в стройную концепцию, основанную на теоретическом анализе развития основных институтов современного общества, направленном на поиск путей разрешения экологического кризиса. В этих рамках исследуются тенденции развития сферы социально-экологических отношений, изменения позиций и ролей ее акторов, их действий. Как и идея устойчивого развития, экомодернизация предполагает возможным и необходимым достижение баланса между индустриальной системой и биосферой. Однако в отличие от устойчивого развития, которое лишь обозначает проблему, экомодернизация

обосновывает механизм достижения такого баланса, который, по мнению ее сторонников, уже начал работать, обеспечивая проэкологическую трансформацию модернити.

Экомодернизация претендует также и на роль теоретической основы государственной политики и идеологии экологического движения ряда западных стран. В этом качестве она представляет собой экополитическую стратегию с набором более или менее конкретных инструментов разрешения экологических проблем, включая принципы взаимодействия различных акторов, программы государственной экологической политики и деятельности эконоНПО, методы промышленного экоманеджмента и др.

Главной теоретической предпосылкой экологической модернизации является предположение о возможности проэкологического развития модернити. Ее авторы опираются в обосновании этого тезиса на социологические концепции модернити, постмодернити (прежде всего Энтони Гидденса) и теорию общества – всеобщего риска У. Бека. В обоих случаях экологический кризис представлен как проявление возрастающего экологического риска, а процесс развития современного индустриального общества – как рефлексивная модернизация, с одной стороны, стремящаяся к сокращению риска, с другой – усиливающая его за счет постоянного изменения своих институтов. Экологически ориентированная трансформация модернити объясняется обособлением экологической рациональности от рациональности экономической и отделением в результате сферы экологических отношений от экономических (Mol, Spaargaren 2003).

На уровне воспроизводства капитала все это означает встраивание экологических ограничителей в воспроизводственный процесс. На определенном этапе они перестают быть барьерами роста, а становятся факторами увеличения прибыли. Этот процесс получил название «экологизация экономики» и основан прежде всего на технологических трансформациях, переходе от так называемых «технологий выхлопной трубы» (то есть от улавливания уже произведенных загрязнений) к технологиям «чистого производства», позволяющим не производить загрязнения, а следовательно, экономить ресурсы.

Инновации, развитие и распространение новых технологий рассматриваются авторами экомодернизации как важнейшие элементы улучшения состояния среды.

Теоретики экомодернизации признают роль бюрократического государственного управления в решении наиболее серьезных проблем индустриального общества 1960–1970-х гг., однако полагают, что сейчас оно подошло к пределу своих возможностей, основной движущей силой экополитики должны стать и становятся рыночные механизмы.

С точки зрения концепции экомодернизации бюрократическая экополитика негибка, экономически неэффективна и скорее сдерживает, чем инициирует экологические инновации. Она не может контролировать потоки сырья и энергии, циркулирующие в индустриальной системе каждый день, и не способна стимулировать экологически ориентированную деятельность компаний. Компании быстро приспосабливаются к внешним ограничениям, при этом стимула самим искать способы сокращения загрязнений у них не появляется.

Вследствие этого рыночное соревнование, потребительский спрос, страховые компании и кредиты становятся важными факторами в процессах экосоциальной трансформации. Экологическая политика должна стать децентрализованной настолько, насколько это возможно, то есть от детального государственного регулирования необходимо перейти к созданию условий для экологически ориентированной деятельности самих производителей и потребителей. Необходимо включить механизмы саморегулирования и освободить государственные структуры от ряда функций в экологическом менеджменте, с тем чтобы они сконцентрировались на тех задачах, которые никто кроме них не может решить.

В соответствии с проведенным анализом концепция экомодернизации – это концепция экологического менеджмента глобализирующегося мира, в котором управление всеми процессами осуществляется мировым рынком при утрате деятельностных позиций практически всех традиционных акторов – от неправительственных организаций до государства. Исключение составляют акторы экономические, а также разработчики новых технологий (не будем спешить называть их учеными, в лучшем случае ими осуществля-

ются прикладные изыскания, основанные на достижениях фундаментальной науки предшествующих времен), действиями которых, впрочем, также руководит «высшая» сила, им не подвластная. Но все же речь пока идет об улучшении состояния окружающей среды не в глобальных масштабах, а на уровне локальностей. И действия, как предполагается, должны разворачиваться там же. Отметим, что в соответствии с экомодернизационным подходом последствия современной катастрофы в Японии должны быть устранены при помощи разработки новых технологий, а ядерная энергетика подлежит совершенствованию с помощью инновационных технологий. Что же дает человечеству возможность не слишком заботиться об этой катастрофе, как показывает современная практика, как, впрочем, и об экологических последствиях «локальных» (если таковыми можно считать целые государства) военных действий, уже осуществляющихся в Ираке, Афганистане и Ливии и, очевидно, планирующихся в других странах Ближнего Востока и Африки?

Экологический концепт современности: полный отрыв от общества

Наиболее значимым событием и дискуссией по поводу выработки нового концепта взаимодействия общества и природы стала климатическая конференция ООН в Копенгагене, проходившая с 7 по 19 декабря 2009 г. Потепление климата как основная угроза экологическому благосостоянию планеты внесено в повестку дня давно. В Киотском протоколе, подписанном 181 страной еще в 1997 г., зафиксировано, что развитые страны и страны с переходной экономикой должны сократить или стабилизировать выбросы парниковых газов. С тех пор можно утверждать, что именно выбросы парниковых газов сегодня признаются главной экологической проблемой, требующей разрешения. В целом это и подтвердила конференция в Копенгагене. В результате следует признать, что устранение главной экологической угрозы зависит не от того, как будут ограничивать себя люди и национальные экономики в сфере потребления (то есть концепция ограничения отошла на второй план, если вовсе не забыта), сколько от того, как будут в этом направлении действовать современные основные акторы – глобальная экономика и глобальная политика. Воздействовать на них

сможет лишь глобальное гражданское общество, да и то только в оказании давления на их действия, иного участия в устранении означенной угрозы оно просто не в состоянии принять. Иными словами, в полном соответствии с подходом осмысления глобализации «с высоты птичьего полета» современное общество, еще далеко не в достаточной мере глобализированное и уж однозначно слабо в этом направлении институционализированное, практически исключается из развивающихся процессов взаимодействия общества и природы.

Следует отметить, что сформулированного теоретического концепта пока не сложилось, но теоретическое осмысление развивается именно в этом русле, что наглядно показал Всемирный социологический конгресс 2010 г. в Гётеборге, который О. Н. Яницкий назвал «климатическим или анти-углеродным» (Яницкий 2010). И хотя, по свидетельству автора цитируемой статьи, речь шла о том, что «мир стоит на грани экологических мегарисков и катастроф, которые непредсказуемым образом могут изменить всю его институциональную и жизненную среду, если мы не поспешим изменить существующие институты и господствующие ценности сами» (Там же: 379), в докладах было озвучено, что эти «сами» должны преобразиться в глобальные институты (Там же: 381).

Как следствие, если от нас, современных людей, мало что зависит, а главная экологическая проблема – потепление климата, то можно абстрагироваться от «мелких» или «локальных» современных экологически негативных событий, что и является ответом на вопрос, поставленный в конце предыдущей части данной статьи.

Литература

Аксенова, О. В. 2004. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века. *Социологические исследования* 9: 68–76.

Кастельс, М. 2000. *Информационная эпоха. Экономика, общество и культура*. М.: ГУ-ВШЭ.

Яницкий, О. Н. 2010. Климатический или анти-углеродный конгресс социологов. *Вестник Института социологии. Электронный научный журнал* 1: 379–383.

Castels, M. 1996. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.

Mol, A. P. J., Spaargaren, G. 2003. Towards a Sociology of Environmental Flows. A New Agenda for 21st Century Environmental Sociology. Presentation on the conference “Governing Environmental Flows; Re-inventing the State in Global Modernity”. Wageningen, The Netherlands, 13–14 June.

Rosenau, J. N. 1997. Global Environmental Governance: Delicate Balances. Subtle Nuances, and Multiple Challenges. *International Governance on Environmental Issues*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Urry, J. 2000. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. N. Y.: Routledge.